

Робер Мерль

СИЗИФ И СМЕРТЬ

Фантазия в одном действии

Перевод с французского Н. Каринцева и Е. Тяпкиной

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Сизиф, хозяин постоялого двора.
Аристея, его жена.
Журналист, молодой человек.
Смерть.
Арес, бог войны.
Первый }
Второй } представители коринфской знати.
Третий }

Сцена представляет террасу небольшого постоялого двора в окрестностях Коринфа. Столики и стулья для посетителей. При поднятии занавеса на сцене молодой человек. Все его поведение выдает страх и любопытство. Он смотрит в окно, потом в широко открытую дверь, возвращается, снова подходит к окну и двери. Затем он решительно садится за один из столиков. Сидит он, правда, на самом краешке стула, готовый при первой необходимости сбежать.

Журналист (*робким голосом*). Есть кто-нибудь? (*Молчание. Более твердо.*) Есть кто-нибудь? (*Громко.*) Есть кто-нибудь?
Голос из-за дверей. Есть! Есть!

Молодой человек не спускает глаз с двери. От страха он готов бежать. Но в это время появляется Аристея. Это высокая, дородная матрона. Журналист облегченно вздыхает и снова опускается на стул. Молчание.

Аристея. В чем дело?

Журналист. Добрый день, сударыня.

Аристея (*вежливо, но сухо*). Добрый день.

Молчание.

Журналист. Если не ошибаюсь, я у Сизифа?

Аристея. Да.

Журналист. А вы, должно быть, Аристея?

Аристея (*сухо*). Именно так.

Молчание.

Журналист. Мне... мне хотелось бы чего-нибудь выпить.

Аристея. Что вам предложить?

Журналист. стакан вина.

Аристея. Хорошо. (*Уходит.*)

Журналист (*ей вслед*). Только коринфского.

Аристея (*не оборачиваясь*). У нас другого нет. (*Уходит. Журналист встает и снова начинает осматриваться. В то время как он стоит у окна и что-то высматривает, появляется Аристея с бутылкой вина и стаканом. Строго.*) Что вы там делаете?

Журналист. Я... я смотрел.

Аристея (*сухо*). Тут нечего смотреть. Садитесь.

Он повинуется. Она подает вино.

Журналист. Мерси. (*Пьет.*) Превосходное вино, сударыня.

Аристея. Приятно слышать.

Поворачивается и идет к выходу.

Журналист. Сударыня!

Аристея (*через плечо*). Что вам еще надо?

Журналист. Осмелюсь ли я, сударыня... Осмелюсь ли я задать вам несколько вопросов? Можно?

Аристея (*возвращается и становится перед ним*). Я вас слушаю. (*Пауза.*) Вы журналист?

Журналист. Да.

Аристея. Предъявите ваше удостоверение.

Журналист. Пожалуйста.

Аристея (*разглядывая бумагу*). Если это фальшивка, то превосходная — ничего не скажешь.

Журналист (*горячо*). Нет, это не фальшивка, сударыня, можете мне поверить.

Аристея. Я теперь никому не верю. Для какой газеты вы пишете?

Журналист. Для «Голоса Фив».

Аристея. Можете это доказать?

Журналист. Конечно. (*Протягивает ей газетный лист, который Аристея внимательно рассматривает.*)

Аристея (*возвращая газету*). Все в порядке. Я вам верю. Вы меня извините, но после того, что произошло с Сизифом, надо знать, с кем имеешь дело. (*Пауза.*) Значит, вы из Фив?

Журналист. Да, сударыня.

Аристея. Когда вы прибыли в Коринф?

Журналист. Вчера вечером.

Аристея. Вчера вечером? У кого же вы остановились?

Журналист. У Фриноса.

Аристея. У Фриноса! Нашли у кого! Самый грязный трактир во всей Греции. Это знают даже в Фивах. Его постели — просто клоповники. Кто вам порекомендовал остановиться именно у него? Разве вы не знали, что можно найти приют у Сизифа?

Журналист. По правде говоря, знал.

Аристея. Так в чем же дело?

Журналист (*смущенно*). Видите ли сударыня... Сказать по правде, из-за...

Останавливается.

Аристея. Из-за чего?

Журналист. Из-за... Ну, вы сами знаете... из-за *нее*.

Аристея. Из-за кого?

Журналист. Из-за *нее*... Вы прекрасно понимаете... из-за кого.

Жестом имитирует кошу смерти.

Аристея (*глядя на него*). А, вот из-за кого! Все ясно. (*Вздыхает.*) Бедный Сизиф! Из-за нее он потеряет всех своих клиентов. Но... что вы хотите? Сизиф бессилен. Она не желает уходить отсюда.

Журналист (*крайне возбужденный*). Значит, это правда? Она здесь?

Аристея. Ну да...

Журналист. Ну и статью же я теперь закачу! Значит, правду говорят, что Сизиф ее держит на цепи?

Аристея. На цепи? Откуда вы это взяли? Ничуть не на цепи. Она ходит совершенно свободно, как вы и я.

Журналист (*вскакивая со стула*). Свободно?

Аристея. Ну, конечно! Ведь я же вам говорю, что она сама не хочет уходить отсюда.

Журналист. Песлыханно! А что Зевс?

Аристея. Что Зевс? Он теперь, наверное, начинает раскаиваться в том, что похитил маленькую Эгину.

Журналист. Эгину?

Аристея. Как? Вы не знаете этой истории с маленькой Эгиной? Нет, в Фивах решительно ничего не знают.

Журналист. Именно поэтому я и приехал сюда.

Аристея. В таком случае слушайте! Маленькая Эгина... (*останавливается*). Нет, нет, сначала я должна знать, что вы думаете о Зевсе.

Журналист (*осторожно*). Сударыня, это очень щекотливый вопрос.

Аристея. Я вас понимаю. Я сама очень пажобна. Я хорошо помню, что Зевс — бог, всемогущий царь богов, властелин высокого Олимпа. (*Встает.*) О! Я его чту и преклоняюсь перед ним.

Журналист (*Встает.*). Мы все его чтим и преклоняемся перед ним.

Аристея. Отныне и во-веки веков.

Журналист. Вонистину так!

Снова садятся.

Аристея. Но, с другой стороны, что можно сказать о боге, который пользуется своим положением для обольщения всех девушек, попадающих к нему на пути? Я сказала «для обольщения»! Вернее было бы сказать: для насилия над всеми девушками.

Журналист. Это, конечно, прискорбно, сударыня.

Аристея. Да, очень прискорбно. И особенно прискорбно то, что это должно было произойти именно с маленькой Эгиной. Она переходила луг, не думая ни о чем дурном. Ее замечает Зевс. Она ему нравится. Он ее похищает. К несчастью, при этом был очевидец — Сизиф. И он счел своим долгом рассказать обо всем отцу малютки, Асопу...

Журналист. Речному богу?

Аристея. Ну, если вы знаете Асопа, вам должно быть известно, что он при всей своей благодушной внешности бывает неукротим. Это очень злой и жестокий бог. Можете вообразить, в какую он пришел ярость! Он хотел затопить весь Олимп. Вы представляете себе, какой бы тут получился скандал! Зевсу стоило величайших усилий успокоить его.

Журналист. А дальше?

Аристея. Дальше? По-моему, Зевс немного переборщил. Он смирил оскорбленного отца. Девочку оставил при себе. На этом, казалось бы, он должен был успокоиться. Ничего подобного! Он решил отомстить Сизифу за донос и послал к нему Смерть.

Журналист (*очень взволнованно*). Что же дальше?

Аристея. Ничего. Сизиф попрежнему жив и здоров. Вот и все.

Журналист. Просто чудо. Как ему это удалось?

Аристея. Ну, об этом вы спросите его сами. Я могу сказать только одно: с тех пор как Смерть явилась сюда, прошел уже целый месяц, она и не думает уходить отсюда. Вы понимаете, что это начинает становиться обременительным. Лишние расходы!

Журналист (*сгорая от любопытства*). А что она собой представляет?

Аристея. По правде сказать, это очень приличная особа. Немного педантичная, но вполне благопристойная.

Журналист. Я имел в виду: с чисто внешней стороны.

Аристея. С внешней стороны? (*Презрительно.*) По правде сказать, в этом отношении она меня несколько разочаровала. Ну, как вы себе ее представляете? Нет, нет, не трудитесь. Все равно не угадаете. Это совсем не то, что обычно думают. Впрочем, вы сами удостоверитесь. Я сейчас ее позову.

Журналист. Позвать Смерть? О сударыня, как вы можете даже подумать об этом!

Аристея. Не бойтесь. Сизифу она не сделала ничего дурного. Тем более безопасна она для вас.

Журналист. Ничего нельзя знать наперед. А вдруг на нее найдется каприз?

Аристея. Каприз? (*Смеется.*) Когда вы ее увидите, вы поймете, что эта особа без капризов. (*Зовет.*) Смерть!

Из-за кулис доносится мужской голос: В чем дело?

Журналист. Но это мужчина!

Аристея. Это вас разочаровывает? (*Зовет.*) Смерть! Здесь вас спрашивает один молодой человек.

Журналист. И не думал спрашивать!

Тот же голос из-за кулис: «Сейчас иду!»

Молчание. Журналист прячется за Аристеею. Звук шагов. Общее напряжение. Наконец появляется Смерть. Это типичный чиновник-бюрократ, лысый, одетый во все черное, с люстриновыми нарукавниками. Под мышкой у него огромная регистрационная книга.

Смерть. Кто меня спрашивает?

Аристея (*указывая на Журналиста*). Вот он.

Смерть. Вы?

Журналист (*отступая*). Я очень польщен, сударь. Но уточним суть вопроса: я хотел бы с вами побеседовать, но в ваших услугах я пока не нуждаюсь.

Смерть (*сидясь*). Успокойтесь, молодой человек. (*С горечью.*) Даже если бы вы потребовали от меня услуг, я — увы! — был бы бессилен что-либо сделать. Сизиф похитил у меня всю мою власть.

Журналист (*подойдя ближе*). Правда?

Аристея (*Журналисту*). Ну, у меня много работы, я вас покидаю.

Журналист (*обеспокоенно*). Вы уходите?

Аристея. Не беспокойтесь. Вы в надежных руках.

Журналист. Конечно, конечно. (*Садится на приличном расстоянии от Смерти.*) Разрешите вас спросить, вот эта книга, что лежит перед вами, это...

Смерть. Книга смертных.

Журналист. Всех смертных? Без исключения? (*Смерть кивает утвердительно головой.*) В таком случае и я... я тоже там... в ней?

Смерть. Смотря по обстоятельствам. Вы мужчина?

Журналист. Определенно.

Смерть. Сын мужчины и женщины?

Журналист. Безусловно.

Смерть. Если вы мужчина, сын мужчины и женщины, то вы занесены в силу статьи шестой в категорию Б, то есть в рубрику смертных.

Журналист. Благодарю вас, сударь. Я всегда знал, что я смертный, но я не знал, что в силу статьи шестой...

Смерть. Не забывайте этого впредь. Ах, это совсем не то, что представляют себе смертные. Существует порядок. Существуют законы.

Куча законов. *(Потирает руки.)* И каждый день издаются все новые и новые.

Журналист *(нерешительно)*. Осмелюсь ли вас спросить, если вы разрешите, сударь?.. Значится ли в вашей книге *(он понижает голос)* также и дата моей?..

Смерть. Вашей смерти? Нет, и я могу даже сказать вам, что об этом я знаю не больше, чем вы.

Журналист. Как? Вы этого не знаете?

Смерть. Нет, молодой человек. Вас это удивляет? Но подумайте сами. Я — Смерть, я — не Судьба. Не надо смешивать. Судьба — это совсем другое ведомство. Этого люди никогда не могут понять. Я не принимаю решений, я их выполняю.

Журналист. А! Вы их выполняете... А можно спросить, сударь, как вы это делаете?

Смерть. Очень просто. Я получаю приказ. Письменный, имеете в виду. Я являюсь к заинтересованному...

Журналист. О! К заинтересованному...

Смерть. Согласен, что выражение не совсем удачно. Скажем, к пациенту, если вам это больше нравится. Я проверяю его личность, после чего в силу статьи шестой завожу его в свою книгу... и он умирает. Вот как это происходит. *(Вздыхает.)* Или, вернее, как это происходило до сих пор. Потому что теперь...

Журналист. Теперь?

Смерть. Увы!

Журналист. Так это верно, сударь, что Сизиф похитил вашу власть?

Смерть. Да, верно...

Журналист. Невероятно! Как он это сделал?

Смерть. А! Без всякого труда. С того дня, как я прибыл сюда, молодой человек, прошел целый месяц. Нет, будем точны, месяц исполнится завтра. Этот день останется навсегда выжженным в моей памяти. Я сидел вот за этим самым столиком. Я открыл книгу, положил справа мое золотое перо, надел нарукавники, позвал Сизифа, удостоверил его личность. И тогда, слушайте, как это случилось, Сизиф с самым невинным видом спросил меня, не жетая ли я чего-нибудь выпить? А меня, действительно, мучила жажда. «Пожалуй!» — согласился я. Сизиф приносит мне стакан вина и ставит его рядом с моим золотым пером. Я поднимаю стакан, осушаю его, и когда ставлю его на место, моего золотого пера уже нет.

Журналист. Это сделал Сизиф?

Смерть. Конечно. Когда же я поднял глаза и взглянул на него, он проницательно обмахивался салфеткой.

Журналист. Сударь, а разве вы не могли взять другое перо?

Смерть. Невозможно. Статья двадцать пятая. Это золотое перо единственное и незаменимое.

Журналист. И что же, сударь, вы сделали тогда?

Смерть. Послал донесение.

Журналист. И это все?

Смерть. А что я, по-вашему, должен был сделать?

Журналист. Право, не знаю. Отобрали бы перо силой.

Смерть. Знайте, молодой человек, что бог может поднять руку на смертного только для того, чтобы соблазнить или убить его. И потом, заметьте. Если соблазнить, это его личное дело. Но если убить, то это должно пройти через меня. *(Молчание.)* Вы видите, мне остается только ждать.

Журналист. Ждать? Чего?

Смерть. Решения Зевса.

Входит Сизиф. Это мужчина лет пятидесяти, здоровый, крепкий, с открытым лицом. Он в одной рубашке, в сандалиях и в поношенных светлых брюках. Во рту у него трубка, в руках газета.

Смерть (*с горечью*). По крайней мере, до тех пор, пока вот этот господин (*показывает на Сизифа*) не соизволит вернуть мне мое перо.

Сизиф (*добродушно*). На это не рассчитывайте! (*Садится за стол. К Журналисту*). Это вы из Фив?

Журналист. Да, сударь.

Сизиф. Это вы остановились у Фриноса?

Журналист. Да.

Сизиф. Вам, наверно, пришлось здорово почесаться.

Журналист. Да, немного.

Сизиф смеется и погружается в чтение газеты. Молчание.

Смерть (*робко*). Господин Сизиф?

Сизиф (*не поднимая головы*). Да?

Смерть. Вы не вернете мне моего пера?

Сизиф (*все так же*). Нет.

Смерть. Но ведь это случай доказать свою добродетель!

Сизиф. Послушайте, я честный человек, я не люблю причинять людям неприятности, и все, чего я хочу, — это быть добродетельным. Но когда я подумаю, что этот добродетельный поступок будет и моим последним поступком, я не могу не призадуматься.

Смерть. Для чего упрямитесь? Вы прекрасно знаете: решение Зевса останется в силе.

Сизиф. Как знать?!

Смерть. Как знать? Неужели вы думаете, что каждый смертный может по своему усмотрению переходить из категории Б в категорию А и что Зевс потерпит такое вопиющее нарушение статьи шестой? В самом лучшем для вас случае вам удастся продлить вашу жизнь еще на несколько дней.

Сизиф. Уже не плохо!

Смерть. Уже не плохо? Неужели жизнь для вас так уж драгоценна?

Сизиф. По правде говоря, нет. Иногда она мне даже противна.

Смерть. В чем же дело?

Сизиф. Да, бывает противна, но я держусь за нее. Почему? Тысяча самых мелких причин! Что вы хотите? Такова жизнь. И знаете, одна из этих мелких причин — то, что я могу после завтрака прийти сюда, на эту террасу, почитать спокойно газету, выкурить мою трубку. И, между прочим, именно поэтому я просил бы вас немного помолчать.

Смерть. Господин Сизиф!

Сизиф. Учтите, я не такой, как вы: я не бессмертен. Времени у меня в обрез. По крайней мере, до получения нового приказа я не более как скромный смертный, минуты которого строго сочтены. И поэтому во время краткого часа отдыха (*повышая тон*) я прошу меня не беспокоить! (*К Журналисту*.) А вы что здесь делаете?

Журналист. Делаю заметки для газеты.

Сизиф. Пожалуйста! Только не шумите. Я не выношу громко скрипящих перьев.

Смерть. Но, сударь, вы не можете не предвидеть неисчислимых последствий вашего бунта.

Сизиф. Последствий? Каких последствий?

Смерть (*встав со стула*). Вот уже целый месяц, сударь, с того самого дня, как я прибыл сюда и вы хитростью и вероломством лишили

меня моей власти, мир является свидетелем неслыханного скандала. На всей поверхности земного шара, на всех океанах и морях происходит нечто ужасное: люди перестали умирать. Умиравшие, для которых уже готовили саван, оживают. Утопающие не утопают. Воины не могут убивать друг друга. Осужденные, которых бросали живьем в огонь, выходят оттуда невредимыми. Яд потерял свою силу. Кинжал не может больше настичь свою жертву. Сама чума отныне бессильна. Повешенные своими веселыми шутками приводят в восторг чернь, толпящуюся вокруг виселиц. Оружейное производство в опасности. Цена на порох падает. Наемные убийцы шатаются без работы. Они доведены до отчаяния. Еще немного, и они покончат с собой. Увы! Им отказано даже в этом. Их отчаяние тщетно. Вода, железо, огонь и бездна отказываются прийти им на помощь. И вот — невероятный парадокс! — даже те из смертных, для которых я сохранял еще некоторое обаяние, обмануты в своих надеждах. Я уже не говорю о самом себе, о том, каково мне было видеть в течение целого месяца, как падала моя статистика до нуля и как непристойно размножалось все живое на земле. Я говорю о мире, о том широком мире, где теперь, благодаря вашему проступку, Сизиф, царит смуга без конца и без предела. Страх, священный страх, более не существует. Я бы сказал — он умер, если бы не злая проницательность этих слов. Но ведь это факт: ад становится мифом, смертные более не боятся богов. Более того: они сами себя считают богами. Человек — сам себе бог! Человеческое общество поколеблено в своей основе: армия, полиция, лишённые авторитета, который им обеспечивала моя власть, становятся предметом насмешки. Последствия не заставят себя долго ждать. Недалеко то время, когда раб восстанет против своего господина, бедный против богатого, чернь против знати. Словом, сударь, вашим дерзким и, я смею полагать, необдуманым поступком вы перевернули вверх дном весь мировой порядок.

Сизиф. Садитесь, не то вы очень устанете. И разрешите мне сказать вам, что он мне совсем не нравится, ваш мировой порядок! Этот порядок поконится на смерти и, как вы очень хорошо сказали, на страхе. Я этот порядок не принимаю. И если бы мне удалось освободить от него человечество, я был бы счастлив.

Смерть. Но большинство людей его прекрасно принимает, уверяю вас.

Сизиф. Вы полагаете? Что ж! (*Указывая на Журналиста.*) Спросим этого молодого человека. (*Журналисту.*) Скажите мне...

Журналист. Да, сударь?

Сизиф. Ваше мнение?

Журналист. Мое мнение?

Сизиф. Да.

Журналист (*вежливо, но твердо*). Простите, но я думаю, что в этом вопросе прав скорее (*указывая на Смерть*) этот высокоуважаемый господин.

Смерть. Вот видите!

Сизиф (*пораженный*). Вы действительно так думаете?

Журналист. Да, сударь.

Сизиф. Значит, вы согласны умереть?

Журналист. Да, поскольку это неизбежно.

Сизиф. Но это совсем не неизбежно. Доказательство налицо — я еще жив.

Журналист. Не хочу огорчать вас, сударь, но, по-моему, вы долго не протянете.

Сизиф. Почему же?

Журналист. Они сильнее нас.

Сизиф. Но именно в этом-то и весь вопрос. Надо знать, удастся ли нам их победить. Да или нет?

Журналист. Нет, не удастся.

Сизиф. А почему?

Журналист. Да потому что до сих пор все люди умирали.

Сизиф. Неслышанно! *(Пауза.)* Скажите, вы все еще продолжаете делать ваши заметки?

Журналист. Да, сударь.

Сизиф. Тогда запишите: «Я — молодой идиот».

Входит Арес. Это молодой красавец атлетического сложения. На нем черная военная форма и сапоги. Рукава мундира усыпаны дюжиной серебряных звезд, грудь украшена орденами.

Арес *(щелкая каблуками, громовым голосом)*. Разрешите представиться! Арес, бог войны!

Сизиф погружается в газету. Журналист поднимается со стула.

Смерть *(бежит навстречу вошедшему)*. Арес!

Арес *(так же, как и раньше)*. А! Мой дорогой друг! Мой старый, верный товарищ! Как я счастлив, что снова вижу вас!

Смерть. И я, мой верный Арес! И я! Скажите, вам очень меня недоставало?

Арес. Страшно!

Обнимаются.

Сизиф *(сквозь зубы)*. Очень трогательно!

Арес *(указывая на Журналиста)*. Это — Сизиф?

Смерть. Нет, это журналист.

Арес. А! Вы — журналист?

Журналист *(берет на караул)*. Да, мой генерал.

Арес. Очень хорошо! У вас благородная миссия: создавать общественное мнение.

Журналист. Да, мой генерал.

Арес. Отлично. Создавайте.

Журналист. Да, мой генерал.

Арес. Отлично. Сейчас я вам скажу три слова. Только три слова. Три великих слова. Три слова, которые помогут вам в вашей задаче.

Журналист *(горячо)*. Да, мой генерал.

Арес. Отлично. Вот вам эти три слова! *(Громоподобным голосом.)* Армия! Отечество! Война! И *(подымая указательный палец)* Зевс!

Он щелкает каблуками.

Сизиф. Получается четыре слова.

Арес *(оборачиваясь к нему)*. Простите?

Сизиф. Это уже четыре слова. *(Считает по пальцам.)* Армия, Отечество, Война, Зевс. Это четыре слова.

Арес *(к Смерти)*. Кто это?

Смерть. Сизиф.

Арес. А! Это вы, старый плут? *(Садится.)* Ну что ж, мой мальчик, сейчас вам станет жарко!

Сизиф. Арес, вы здесь у меня! На моей террасе. Я для вас не мальчик и не плут, и я запрещаю вам оскорблять меня. Если вы хотите мне что-то сказать, говорите, но будьте вежливы.

Арес. Гм! Смерть, а?

Смерть. Статья шестнадцатая. Он в своем праве.

Арес. Хорошо. *(Встает.)* Верховный глава высокого Олимпа, Зевс *(щелкает каблуками)*, доверил мне, Сизиф, священную миссию — прекратить скандал, поднятый вами. И эту миссию я выполню до конца.

Сизиф (*подражая ему*). Отлично.

Арес. Объявляю вам приказ, Сизиф: следуйте за мною в ад!

Сизиф. Не будем зря тратить время. Скажите мне, что будет со мной, если я откажусь.

Арес. Зевс (*он щелкает каблуками*) предвидел и этот случай. Если вы откажетесь, Сизиф, вас постигнет страшная кара. Вас силой низвергнут в ад и заставят там изо дня в день, всю вечность, толкать перед собой огромный камень на вершину высокой горы. Когда же вам покажется, что вы уже достигли, наконец, цели, камень остановится и непреодолимо свергнется вниз, в долину. Назавтра вы начнете работу снова, и так каждый день всю вечность.

Сизиф. Это все?

Арес. Да.

Сизиф. Ну что ж! Это совсем не так страшно, как вы говорите. И разрешите вам сказать, что это не очень-то изменит мою жизнь. То, что я делаю здесь уже в течение многих лет, почти то же самое. И сейчас каждое утро я подымаюсь в шесть часов, подметаю полы, варю кофе, мою стаканы, выношу на террасу столы, обслуживаю клиентов. Целый день я на ногах. Вечером я снова вношу столы обратно, а назавтра выношу их опять на террасу и опять варю кофе и подметаю полы, мою стаканы. И так без конца, изо дня в день! Вот это и есть мой Сизифов труд! (*Пауза.*) Можете рассказать об этом Зевсу! (*Арес щелкает каблуками.*) Любопытно! (*Поднимает палец.*) Зевс! (*Арес щелкает каблуками.*) Удивительно, чего только не придумают.

Садится и снова берется за газету.

Арес. Я ничего не понял из ваших слов, Сизиф, и к тому же, благодарение богу, не очень старался понять. Я передал вам приказ следовать за мной и хочу знать только одно: хотите вы следовать за мной? Да или нет?

Сизиф (*не подымая глаз*). Нет.

Арес. В таком случае я знаю, что мне остается делать.

Он вынимает револьвер и направляет его на Сизифа. Сизиф продолжает читать. Смерть бросается вперед.

Смерть. Нет, Арес, нет! Это не по правилам! И к тому же это ни к чему не приведет!

Арес. Ни к чему не приведет? Увидим.

Разряжает в Сизифа свой револьвер. Сизиф невозмутимо перелистывает газету.

Смерть. Что я вам сказал?

Сизиф. Арес, если бы вы так же усердно упражняли ваши мозги, как ваши каблуки, вы бы поняли, что нечего вам зря тратить боевые припасы, раз Смерть еще не сумела вернуть себе золотое перо.

Он встает и отряхивается: пули дождем сыплются на пол.

Смерть. Послушайте, Сизиф, будьте благоразумны. Еще раз прошу, отдайте то, что принадлежит мне. Вы же понимаете, что так продолжаться не может.

Сизиф. Почему? Почему не может продолжаться? Благодаря мне на всем земном шаре убийцы остались без работы. Вы сами признали это. Яд потерял свою силу. Кинжал не достигает более своей цели. Вы сказали также, что я приравнял людей к богам. Это не совсем точно. Ибо до сих пор боги убивали людей для своего удовольствия. А люди убивали людей, чтобы уподобиться богам. Отныне ни люди, ни боги не могут больше убивать. Я вовсе не уподобил людей богам. И тех и других я лишил возможности делать зло. Царство Смерти окончено. Наста-

нет новый мир, мир Справедливости. Сами боги будут лишены возможности грешить. *(Пауза.)* Вот почему, несмотря на все ваши мольбы, я не верну вам вашу собственность. Ваше золотое перо у меня вот тут в кармане. Вы можете завладеть им только силой. А силу вы не можете применить, вы это хорошо знаете.

Арес. Вы так думаете? Мы не можем применить силу? Посмотрим!

Смерть. Нет, нет, Арес! Не горячитесь! Вы хорошо знаете, что боги могут поднять руку на смертного только в двух случаях: чтобы обольстить его или чтобы убить. Но мы же не можем его убить!

Сизиф *(со смехом)*. Думаю, что и первая возможность тоже исключена.

Арес *(яростно рвется вперед)*. Пустите меня! Пустите, я вам говорю!

Вырывается и бросается на Сизифа. Сизиф подымает палец:

Сизиф. Зевс! *(Арес застывает на месте и щелкает каблуками, затем снова бросается вперед.)* Зевс! *(Повторяется та же игра.)* Зевс! *(Все скорее и скорее.)* Зевс! Зевс! Зевс! Зевс! Зевс! Зевс! Зевс! Зевс! Стоп!

Арес, измученный, опускается на стул. Сизиф снова принимается за чтение газеты. В это мгновение на сцену врываются три представителя местной знати. Все трое одеты во все черное. Они одинаково лысы, и на их круглые животики спускаются совершенно одинаковые золотые цепи. Если бы не золотые цепи, они были бы немного похожи на Смерть. Сейчас они очень возбуждены и кричат все трое: «Сизиф! Сизиф! Сизиф!»

Сизиф *(сердито откладывает газету)*. Буду ли я иметь когда-нибудь спокойную минуту, Зевс Громовержец! *(Арес автоматически встает и слабо щелкает каблуками.)*

Сизиф *(который забыл о нем)*. Спокойно! Спокойно! *(К знатым.)* Что вам надо?

Знатные люди *(кланяясь Аресу и Смерти)*. Сударь, сударь, сударь!..

Сизиф. Что вам от меня надо?

Первый знатный представитель. Сизиф, мы пришли к тебе от имени всей знати Коринфа.

Второй. В некотором роде делегация...

Третий. Сизиф, мы к тебе с важным делом.

Сизиф. С каким делом?

Первый. Слушай, Сизиф... Но, прежде всего, не сердись.

Сизиф. Я не сержусь.

Второй. Слушай, Сизиф.

Третий. Слушай! Такое положение далее нетерпимо.

Сизиф. Какое положение?

Второй. Какое ты создал.

Третий. Нет, Сизиф, дальше так жить нельзя.

Первый. Из-за твоего проступка нам угрожают страшные бедствия.

Второй. Неисчислимы бедствия.

Сизиф. Какие бедствия?

Первый. Ах, Сизиф, это ужасно! Со дня своего основания Коринф не видел ничего более ужасного.

Второй. Да, безусловно. С этим не могут сравниться ни война, ни засуха...

Третий. ...ни пожары...

Первый. ...ни голод...

Второй. ...ни чума!..

Сизиф. В чем дело? Скажите!
 Первый. Чернь, Сизиф...
 Второй. Увы! Сизиф, чернь...
 Третий. Чернь, Сизиф, требует раздела земли!
 Все трое. О Сизиф! Раздела земли!
 Сизиф. Ну и что же?
 Первый. Как «ну и что же»!
 Второй (*двум другим*). Это неслыханно. Он сказал: «Ну и что же»!
 Третий. На него это не производит никакого впечатления.
 Сизиф. Ну и что же! Да, да, «ну и что же!» Продолжайте.
 Первый. Полиция совершенно бессильна, Сизиф!
 Второй. И армия!..
 Третий. И жандармерия!
 Сизиф. Почему?
 Первый (*оскорбленный*). Почему?
 Второй. Почему? Да из-за твоего проступка!
 Третий. Из-за твоего проступка!
 Первый. Что может внушить черни страх, Сизиф...
 Второй. ...если полиция не может больше убивать...
 Третий. ...вешать...
 Первый. ...четвертовать...
 Второй. ...колесовать...
 Третий. ...сжигать живьем...
 Первый. ...избивать дубинкой...
 Второй. ...топить...
 Сизиф. Ну и дальше?
 Первый. Дальше? (*Двум другим*.) Он говорит: «Ну и дальше»!
 Второй. Это все, что он может сказать.
 Третий. А дальше, Сизиф, мы и пришли к тебе...
 Все трое. ...мы пришли...
 Первый. Во имя общего блага...
 Второй. ...во имя интересов Государства и Морали...
 Третий. ...во имя святой Религии...
 Первый. ...ради блага всего Коринфа...
 Второй. ...ради сохранения цвета общества...
 Третий. ...ради процветания Отечества...
 Первый (*тише*). ...и Торговли...
 Все трое. ...мы пришли...
 Первый. ...просить тебя...
 Второй. ...просить тебя настоятельно...
 Третий. ...и в некотором роде умолять тебя...

Молчание.

Сизиф. О чем?
 Первый (*стремительно*). ...вернуть Смерти...
 Второй (*тем же тоном*). ...то, что ты взял у нее.
 Сизиф (*кричит*). Что-о?

Знатные люди в испуге отступают.

Смерть. Вот видите! Я вас предупреждал, что он вас не послушает! (*Смотрит на представителей знати*.) Да! Вот настоящие честные граждане! Мне просто доставляет удовольствие смотреть на вас! Да! Вы порядочные смертные! Добродетельные смертные! Смертные, сознающие свой долг! Настоящие смертные! Как я люблю ваши лица и ваши души, столь похожие на мою!

Сизиф (*к Журналисту*). Почему вы молчите, сударь? Что вы обо всем этом думаете?

Журналист. Я думаю, что моя статья вызовет сенсацию!

Сизиф. Сенсацию! (*Представителям знати*). Итак, вы предпочитаете лучше умереть, чем потерять ваши богатства?

Первый. Что делать, Сизиф! Такова жизнь!

Сизиф. Что делать? Да очень просто... Отдать черни то, что она требует...

Представители знати (*все вместе*). О!

Сизиф. Что «О!»?

Первый. Но чем мы будем жить?

Сизиф. А чернь? Чем живет она?

Первый. О! Это далеко не одно и то же!

Второй. Это совсем разные вещи!

Третий. Подумать только! Равнять нас с чернью!

Первый. Благодарение богу, у нас другие потребности...

Второй. ...и другие вкусы...

Третий. ...и другие чувства...

Первый. ...которых у черни нет...

Все трое (*одну руку поднимая к небу, другой побрякивая серебром в карманах*.) Духовные ценности!

Сизиф. Но разве вы не понимаете, что моя борьба — это и ваша борьба? Что, спасая себя, я спасаю и вас? Разве вам так уж хочется умирать?

Первый. О нет, Сизиф, совсем не хочется.

Второй. Конечно, твоя попытка очень благородна...

Третий. ...благородна и прекрасна...

Первый. И мы аплодируем тебе от всего сердца.

Второй (*аплодируя кончиками пальцев*). Bravo! Bravo!

Третий. Но мы думаем, что она безумна...

Первый. ...песбыточна...

Второй (*осторожно*) ...или, по крайней мере, преждевременна...

Первый. ...и что она осуждена...

Второй. ...благодаря этому...

Третий. ...на полное крушение...

Первый. Определенно!

Второй. Ибо Олимп всемогущ, Сизиф!

Третий. Олимп всемогущ! И всегда и везде Олимп торжествовал победу!

Сизиф (*кричит*). Довольно! (*Знатные люди отступают*.) Вы слышите, довольно! (*Та же игра*.) Вы мне отвратительны, слышите! Довольно! Убирайтесь!

Молчание.

Первый (*осторожно подходит*). Но ведь нам нужен ответ, Сизиф!

Сизиф. Ответ один: нет!

Представители знати снова отступают. Сизиф садится и охватывает голову руками. Молчание.

Смерть (*тихо к представителям знати*). Друзья мои... (*Они приближаются*). Друзья мои...

Смерть отводит их в сторону.

Первый. Сударь?

Смерть. Золотое перо, похищение которого сделало меня бессильным... да, бессильным...

Первый. Это очень прискорбно, сударь.

С м е р т ь. Да, очень... Так о чем же я говорил?

В т о р о й. О золотом пере, сударь?

С м е р т ь. Оно у него в кармане.

П е р в ы й. Оно у него в кармане?

Молчание. Представители знати переглядываются.

В т о р о й. Но скажите, сударь...

Т р е т и й. Не смогли бы вы?..

С м е р т ь. Увы! Нет! Нет, мои друзья... Я не могу. Я ведь тоже принадлежу к сонму богов... Я не могу, но...

Он не заканчивает.

П е р в ы й. А мы, мы могли бы?

С м е р т ь. Как сказать. Законом это строго запрещено. Закон есть закон, не правда ли? Ни один смертный не имеет права вернуть силой то, чем завладел другой... За исключением...

В т о р о й. ...За исключением...

С м е р т ь. За исключением случая, когда это происходит во время игры. Вот когда это просто игра, шутка, — тогда пожалуйста...

Т р е т и й. Значит, если это шутка, тогда можно?

С м е р т ь. О да! *(Смеется.)* Маленькая дружеская шутка! *(Серьезно.)* А я могу вам сказать... *(Останавливается.)*

П е р в ы й. Вы можете нам сказать...

С м е р т ь. Что там, наверху, это будет вам зачтено.

Представители знати обмениваются взглядами.

П е р в ы й *(обращаясь к двум другим)*. Идем. *(Они подходят к Сизифу, окружают его и затем набрасываются на него.)* Мы только немного поиграем с тобой, Сизиф!

С и з и ф. Вы с ума сошли!

В т о р о й. Только маленькая шутка!

Выватывает перо и протягивает его С м е р т и.

С и з и ф. Несчастные, вы всех нас погубили!

С м е р т ь пишет в своей книге.

С м е р т ь. Теперь, Сизиф, ты только тень самого себя.

Представители знати боязливо отстраняются от Сизифа. Сизиф поднимает руки ко лбу.

С и з и ф. Никогда не думал, что смертные заключат союз со Смертью.

А р е с и С м е р т ь хватают его с обеих сторон за руки.

С и з и ф закрывает глаза, голова его падает на грудь.

Занавес.